

нам, С

ОДИН

(детская больница, семь дней после родов)

Ее нашли на полу, у разбитой больничной ванны, и сразу отвели в палату.

Как-то поддерживали, как-то укладывали, что-то встревоженно шептали. В глаза ее смотрели, смотрели несколько сотен пар глаз *а может, лишь одни* но она этого уже не понимала. Зрение расслаивалось, мерцало, как-то тоже мешалось. Хотело измучить. Играло. И конечно, лучше было бы ей закрыть глаза, закрыть их насовсем или на секунду *как же заранее поймешь* да, закрыть. Но глаза уже не слушались, но глаза все не закрывались.

«Отдыхайте», — сказали ей, когда только привезли и разместили в палате.

«Отдыхайте», — сказали ей и, наверное, почти не издевались. Отдыхайте, рядом с младенцем, таким маленьким, что страшно дотронуться, что страшно на руки взять, да и зачем. Зачем?

Там, еще в роддоме, врачи приняли сложные роды — и что-то знали. Медсестры буднично наблюдали ее, Сашу, в первые часы в реанимации, в послеродовой, почти нежно спрашивали о самочувствии — и тоже

что-то знали. Действовали строго по инструкции, но что-то скрывали, скрывали с жалостью, с сочувствием, с пугающей, зомбирующей опаской.

Хотели что-то сказать?

А может, и хотели, но ждали, что она забудет о процессе, о том, как что-то растягивалось, расходилось, рвалось *и жалось, да, и давило, и тянуло, и опять рвалось-рвалось* Ждали, что она возьмет его на руки, его, крошечного истукана, и найдет, пробудит вместе с молозивом и молоком — свой спящий материнский инстинкт.

И вот родила, только-только пришла в себя, как ее и младенца перевели в детскую больницу. Ничего конкретного не сказали, ничего не объяснили, не дали времени посоветоваться с родственниками *если бы они были* лишь предупредили — не выписываем, нет, о доме и думать забудьте, вам нужно сначала разобраться со здоровьем ребенка.

А Саша покорно делала, что говорили, и была довольна, что кто-то рядом. И она лежала *каменная Ниоба, и слезы все текли, и текли, и слезы были сухими* Посматривала на младенческий кувез, стоявший совсем близко, рядом с ее кроватью. Это был уже не роддомовский бокс, где она наблюдала за запеленатым свертком через стекло. Нет. Он был тут. Тут. С ней.

И он дышал.

И нужно было с ним что-то делать.

Его было жутко даже трогать, и она этого делать не собиралась. Надо немного привыкнуть, познакомиться, пока можно еще кого-нибудь позвать. Медсестра и так показала — и даже не одна медсестра

и не один раз за эти дни, — как правильно поддерживать головку, как менять подгузник.

Он был не очень красивым. Саша вроде это понимала, но раз за разом приглядывалась — хотела увидеть что-то другое, новое, симпатичное. Как будто ждала, что вот оно там распахнется и откуда-то вместо этого альденте-младенца вылезет нечто более приятное, розовощекое, более понятное.

Но никто не появлялся. Они оставались один на один.

Мальчик не двигался. Лежал ровно, с закрытыми глазами, со всеми этими подключенными трубками. Она отвернулась к стене и с головой накрылась клетчатым одеялом.

Может, вот так замереть и никуда не вставать? Анабиозно выждать, пока все пройдет, рассосется, забудется, разойдется. И смотреть, и смотреть в эту зеленую, неровно окрашенную стену с глянцевыми потеками. Не мигать, пробовать как можно дольше не мигать, чтобы водная пелена размыла реальность. А потом встать и уйти *куда, откуда*

— А ну-ка, рано еще спать, — раздалось где-то сверху.

Саша не шелохнулась, хотя от неожиданности бойко застучало сердце. Ребенок закричал, но почти сразу замолк. Чьи-то руки сдернули с плеч колючую ткань, пришлось обернуться. Широкая женщина в белом, но каком-то ином, немедсестринском халате.

— Разлеглась, — зычно продолжила сестра-хозяйка. — Пойдем, покажу отделение. Времени тебя ждать нет, давай быстрее.

— Сейчас.

Саша села и угрюмо сунула обе ноги в мягкие белые, уже начинавшие сереть, тапочки.

— Ты смотри, пока одна живешь, но после выходных подселим кого. Тумбочку, смотрю, завалила. Когда обход, когда врачи придут осматривать, вещи свои прячь внутрь, особенно женские, а то мужчины-доктора заходят, а у некоторых трусы, прокладки и все вверх дном. Постыдились бы.

вещи, особенно женские

— Пойдем, пойдем дальше, что сидишь, — от глубокого зычного голоса закладывало в ушах. — Одна, думаешь, у меня?

Саша тяжело встала и поплелась за женщиной. В коридорах пахло не медикаментами, а едой, стены окрашены в приятный травяной цвет. На скамейках сидели, будто отдыхали после бани, женщины, и все — в домашних халатах.

— Значит, так. Здесь пост медсестры. Каждый день до восьми утра измеряй температуру себе и ребенку, записывай в журнал, вот он тут всегда лежит открытый. Если что-то случилось, на посту даже ночью есть дежурные, обращайся. Так, дальше у нас постирочная и сушка белья. Свою одежду запоминай и забирай, как высохнет, не оставляй надолго. А то пованесят, и ищи-свищи целыми днями.

Туалетная бумага хранится тут, дверцы скрипят, тьфу ты. Ладно. Дальше. Столовая. Завтрак, обед и ужин четко по расписанию. Скоро запомнишь. Если что, буфет внизу, но там что-то мелкое купить; продуктовых напротив тьма. Мамочки договариваются с соседками и ходят до супермаркета по очереди.

Здесь процедурная, на уколы сюда, как позовут. Врачи принимают за пределами отделения. Медсестра все покажет.

— Когда придет врач?

Сестра-хозяйка так привыкла слушать только себя, что вопросу — и тому, что Саша вообще открыла рот, — очень удивилась и перешла на «вы».

— Это не ко мне. Ждите.

ждать. но... чего?

К вечеру отделение замерло: закончился ужин, женщины разошлись по палатам, и Саша поняла, что врач не придет.

Младенец просыпался, ворочался, плакал. Медсестра поменяла лекарство в капельнице и подгузник; потом показала, как докармливать ребенка смесью. Взглянула на Сашу, та стояла рядом и бесцветно наблюдала. Вздохнула. Отдала бутылочку. Ушла на пост. Не она, женщина в белом.

Саша так долго удерживала левой рукой бутылку, что, когда та опустела, не сразу смогла разогнуться. Спину ломило, ноги затекли. Но снова можно было представлять себя одной, представлять, что все прошло *что*

Нужно умыться.

Не очиститься, не прийти в себя, не почувствовать себя чистой, а механически совершить хоть какие-то привычные действия. Она дошла до ванной, застыла перед раковиной, долго терла каждый палец. Прошагала назад в палату. Чего-то смутно хотелось, но не понять чего. Посмотреть бы на улицу.

За шторами зеленел внутренний двор, внутренний мир: кусочек ветвистой аллеи, свежеекрашенные бликующие лавочки, курящие мужчины-посетители.

В окнах бликовало другое, нечто такое, от чего полагалось бы зажмуриться. Но Саша не зажмурилась, она придвинулась еще ближе, чтобы разглядеть тени на стекле.

Холодная поверхность обнажала грязные волосы в неаккуратном пучке, блестящее, какое-то пористорыхлое как *срез домашнего хлеба* лицо. Под футболкой, словно недавно родившей самой, обозначался недавно родивший живот *ущипнула* и печально вмещался он между Сашиными большим и указательным пальцами. Синие соски постоянно болели, ныли от мучительного, дрожаще-неумелого сцеживания. Рана между ног все не затягивалась, саднила. Вся Саша саднила. Вся Саша пылала болью.

Вот бы взять, подумала она, вот бы взять, поднять эту бесформенную *как сама футболку* и прижать, прижаться ореолами к стеклу. Как было бы хорошо. Так хорошо. Гораздо лучше, чем смотреть на эту отзеркаленную соседку, постаревшую женщину двадцати шести лет.

Но не подняла, не прижала. Завернулась с головой в одеяло, поежилась от колючего, обхватывающего, пугающего. Уснула.

Утром уголок одеяла стал мокрым, закусанным.

Но голод не ощущался. Голод перестал существовать еще со вчерашнего дня, когда все, что влезло

в желудок — два злаковых батончика, — не очень приятно и почти сразу его покинуло. Про завтрак она даже и не подумала, сходила в туалет, к журналу — записать температуру, а потом сбежала в палату, в свое убежище.

Ребенок заплакал и плакал долго. Саша с испугу правильно поменяла подгузник, покормила из бутылочки, но сирена не унималась. Взяла его на руки, в пеленке, стала укачивать. Надо было найти ту самую кнопку, тот самый алгоритм: вправо-влево, вверх-вниз, чтобы ребенок затих у нее на руках. И он затих.

Сладостную, распадающуюся тишину можно было слушать вечно. Но ей не сиделось. Когда же позовут ко врачу? Она пошла искать.

Двенадцать. В коридоре оживленно предобеденно куда-то — как будто просто туда-сюда — ходили женщины. Пахло жидким супом, котлетами и школьными булочками с сахаром. Сестринский пост пустовал.

Саша хотела дойти до процедурной, развернулась и случайно пнула красную шапочку. Большую, на взрослого человека бы налезла. Оглянулась. Коридор вдруг опустел, только надвигалась пожилая женщина с коляской, ее Саша видела не первый раз — та катала, прогуливала ребенка туда-сюда по коридору.

— Это не ваша шапочка? — спросила Саша и исправилась, взглянув вниз. — Или вашего ребенка?

И смутилась. По возрасту эта монолитная, из камня высеченная женщина больше подходила на роль бабушки.

Мальчик наскоро, чисто, но небрежно-хаотично одет. Да, большая шапка была для него, вернее, для грушевидной перебинтованной головы.

— Он не мой, я сопровождающая няня от фонда, — последовал автоматический, поскрипывающий металлом ответ. — От него отказались родители.

— А после? — еле слышно выговорила Саша.

— Что после?

— Что будет с ним после больницы?

— Его отвезут в дом малютки, — равнодушно проговорила няня, — и там хорошо позаботятся. Там он не один такой, большеголовый, будет.

Замолчали, и Саша уже хотела уйти, как вдруг женщина произнесла:

— Я видела этих родителей, вернее, мать. Наркоманка и алкоголичка. Хорошо, что отказалась, а не выбросила голодного ребенка на помойку или в морозилке не закрыла. Спасибо за шапку. А то из своего кармана покупать. Зарплаты на них всех не хватит.

сердца на них всех не хватит

Но Саша ничего не успела ответить — ее окликнули по фамилии. За ней пришли.

Пора.

Пока шла, как на эшафот, за бодро семенящей медсестрой с папкой под мышкой, то особо ничего и не чувствовала. Ведь знала — и раньше, и всегда, — что люди в белом определенно что-то умалчивают. До этого — сил самой что-то спросить не было, но ведь сейчас ведут же. И расскажут. Признаются в чем-то страшном.

Прямо, налево, пятая дверь справа. История болезни в руках — теперь ее. Пошла.

— Я присмотрю за ребенком, — предупредила медсестра.

Саша кивнула. Кивок получился скомканным, сбитым, будто она хотела кивнуть, но в последний момент передумала или чего-то в таком кивке вдруг испугалась.

— Спасибо.

— Ну, идите, идите, врач ждет, — поторопила медсестра.

И пришлось войти. В этот кабинет, где сидели несколько врачей, и все они как один что-то делали: звенели ложками, пили чай, слушали пациентов, всегда пациентов, всегда чай.

— Александра Валерьевна? — позвал ее усатый, крепко сбитый мужчина.

— Да. Здравствуйте.

Усталый врач указал на стул и принял из рук историю болезни. Как же она не догадалась заглянуть в эту папку? Где же было здравому смыслу бороться со слепой, вышедшей из моды *но пока еще тлеющей, тлеющей, да* надеждой?

— Александра Валерьевна, нужно ваше согласие на операцию. И по общему состоянию...

Боль разливалась медленно *боль ли?* И вроде как доходил смысл слов, обозначающих диагнозы. И смыкались и размыкались губы спокойного, отрешенного доктора. И Саша наконец поняла, что от нее прятали все это время в роддоме, почему отводили глаза.

Может, она оглохла? Сошла с ума?

Шум в ушах нарастал, нарастал, и в один момент показалось, что звуки в мире закончились, все,

кроме доктора, разучились говорить. Когда он закончил и сказал ей идти, она встала и пошла.

встала и пошла

Да, можно было ничего не запоминать. У них все записано. Все, что нужно знать, она знала. Ее ребенок никогда не будет здоровым.

Как-то снова оказалась в палате.

Хотела кинуться на кровать, но он проснулся. Закряхтел. Застонал. Пришлось проверить подгузник, а потом долго укачивать младенца на руках. Но он не засыпал, черт возьми, не засыпал и все больше извивался на руках.

Она качала ребенка, баюкала, булькала, осторожно трясла в разные стороны, чтобы он наконец перестал кричать. А потом вздрогнула, вспомнила. А если это — тот самый приступ, о котором предупреждал доктор? Хотела позвать медсестру, но малыш успокоился и обмяк, переводил дыхание. И Саша стояла. И Саша замедляла разогнанное сердце.

Нет. Не так она себе все представляла. Злилась на себя — дуру; на Марка, от которого забеременела, да так и оставила; на врачей, других матерей, общественность, государство.

«Все изменится», — говорили они.

«Ты больше не будешь прежней», — говорили они.

«Любовь к ребенку затмит все, и даже собственные желания», — говорили они.

как же надоели!

а если я не могу? хотелось кричать

а если я не справлюсь? хотелось кричать
а если дальше жизни нет? хотелось кричать

Она качала и кричала. Кричала и качала. Она беззвучно выла, грызла, истязала себя, пока не онемели руки. Пока не онемела душа.

* * *

Тишина наступила не сразу. Сначала нечто врывалось, врывалось неуверенными толчками, преодолеvalo сопротивление, зудело, юлило, а потом вдруг отстранило нервоточину. Стало оцепенелой, неуверенной тишиной.

Два дня она пролежала на смятой, уже пахнущей младенцем постели, отлучаясь, чтобы покормить и поменять подгузник, дойти до туалета, съесть безвкусный злаковый батончик. Звонили подруги, звонила, конечно, Яна, но Саша не отвечала. В выходные не было врачей, утренних обходов, обязательных дел, и она могла молчать, наслаждаясь одиночеством.

Повезло.

Время вокруг текло медленно, тягуче, мир переворачивался вместе с Сашей на один бок, а потом надолго замирал, пока бок не затекал, и нужно было опять менять положение. Голод не приходил. Еда пахла. Дышала. Что-то обещала. Но зачем? Пока можно и обойтись.

Медсестра зашла в воскресенье, рано утром, попросила занести бумажку для личного дела.

— Найду чуть позже, — пообещала Саша.

Женщина поворчала, ввела лекарство в катетер на голове ребенка и вышла. И снова зашла к обеду.

— Все лежишь? Мне нужно документы отсканировать.

— Сейчас поищу.

— Кто за ребенком будет смотреть, пока ты разлеглась?

— Я, — еле слышно проговорила Саша и резко встала.

Побелела. Покачнулась.

— Ну-ну. Ты совсем не ешь, что ли? Бледная такая, — сощурившись, спросила женщина в белом.

— Ем.

Саша встала у тумбочки, ожидая, когда медсестра уйдет. Но та не двигалась.

— Думаешь, ты одна такая? Да тут целое отделение, да еще с диагнозами пострашнее. Некоторые дети по двадцать операций переживают, месяцами в больничных стенах. Матери все силы на них тратят, а не на... эх... да что тебе...

Вышла наконец.

а что мне другие? я-то одна

Саша присела на корточки и в упор уставилась на светло-серую дверцу с истертой ручкой. Вспомнила-вспоминала, что же надо было найти. Куда она могла положить эту бумажку? Пакеты, пакеты, все эти дурацкие пакеты; набитый рюкзак. Она без разбору начала вытряхивать оттуда вещи. Что тут? *короткая жизнь человека*

ворох скомканных салфеток; еще чуть влажных файлик со смятыми по углам документами

недоеденная, истертая пачка печенья
пакет с грязным бельем; нет сил разбирать
и стирать
крем универсальный: для лица, для тела, для ре-
бенка
шампунь и мыло в скользком пакете; болтается
бритва
зарядка для телефона с изломом на шнуре
пеленки, распашонки и штанишки для младенца
кружка, ложка и тарелка; почерневшие
чайные пакетики, обертки от злаковых батончи-
ков; не меньше семи
расческа, попавшая в худенький пакет с трусами;
без зубьев
цепочка, подаренная мамой на... на восемнадца-
тилетие; золотая

Цепочку Саша достала из маленького потайного кармана. Аккуратно расправила на руке и села прямо на пол.

а ведь как новая, а ведь как вчера

«На память, — сказала мама. — Знаю, ты не любишь желтое золото, но я купила эту цепочку давным-давно, на первые заработанные от магазина деньги. Я радовалась, что смогла. И ты все сможешь. Пусть остается как символ».

Саша хорошо помнила. Они сидели в изящном летнем кафе с коктейлями и итальянской пиццей с базиликом. Справляли ее поступление на экономический факультет. Слушали и рассказывали каждая о своем. Мама выглядела удивительно молодо — не дашь и сорока.

Что-то стукнуло. Медсестра, придерживая ногой дверь, пролезла в палату и остановилась. Так они с Сашей и смотрели друг на друга. Женщина перевела взгляд на заваленный пол, похмыкала, поставила поднос на застеленную соседскую кровать.

— Нужны горячая еда и питье, чтобы молоко легче прибывало. Тебе же еще кормить грудью.

— Спасибо.

О справке и не вспомнили.

Саша затолкала вещи в рюкзак, а его сунула в тумбочку, еле поднялась и впервые прямо посмотрела на миловидную, среднего возраста женщину в очках, с темными короткими волосами. Ольга Анатольевна — значилось на бейдже. Старше мамы.

— Муж есть? — неожиданно спросила она.

— Нет.

— Кто-то может поддержать? Родители?

— Мама... была... умерла.

— Рак?

— Авария.

Женщина в белом сочувственно цокнула языком. Саша не понимала, почему так спокойно отвечала на личные вопросы. А ей есть что скрывать?

— А отец, бабушки, дедушки?

— Отец улетел по работе, останется, наверное, там, я не знаю. Бабушек давно похоронили.

и праба, праба Пелагею

Папа улетел в день родов. Так было нужно. Обещал, что если с проектом *там* заладится, то ждет дочь с внуком к себе. А если нет, то прилетит

обратно, в Москву. Говорил, как рад красавцу-мальчугану. Говорил, что он вырастет спортивным и пробивным, деду будет с кем бегать на лыжах, соревноваться на скалодроме, болеть за хоккейную команду.

Да. Естественно.

— Во-о-т уж, — совсем тепло, почти ласково протянула Ольга Анатольевна и придвинулась к ней ближе. — Всем бывает плохо, но ты ответственна за живого человека! Не хочешь думать о себе, подумай о нем. Страдай, плачь, но то, что должна, делай. Отвлекайся. Выйдешь — сходишь к психологу. А пока пообщайся с другими мамочками. Станет легче. Давай, ешь. Я пойду.

Слова отбивались, дробились, не отскакивали, но и не проникали глубоко. Саша хотела закончить допрос и потянулась к приборам.

Есть. Ну что же. Бледное пюре и аппетитно пахнущая котлета, жидкий чай в стакане, маленькая тарелочка с затяжным печеньем.

Она взяла пюре на кончик вилки и замерла.

— А если я не смогу?

Но уже никто не слышал.

* * *

Не есть нельзя. Но есть по-прежнему не хотелось. Котлета заветрилась, пропала, пюре заледенело; Саша хотела было глотнуть горячего, но и чай остыл. Что же делать, остыл.

Надо выйти туда, в коридор, в столовую, за кипятком и, может быть, за сахаром. Горячего чая хотелось все сильнее и сильнее. Она прождала

до ужина. И едва послышалось характерное движение и звон, туда — в коридор и столовую — все-таки вышла.

Она пыталась пробиться к горячей воде — пройти слева холодильники, раздаточное окно и двигаться к дальнему углу, к столу, на котором ждут кулеры, — но как-то встала в очередь, как-то *зачем-то* получила тарелку с борщом. Как-то села около улыбчивой полненькой брюнетки, кормящей сына на коленях. Посмотрела в свою кружку — кипятка там так и не появилось, но появился теплый компот.

Брюнетка с ребенком действовала на Сашу удручающе. Когда-то она мечтала, как покажет фотографии новой себя: усталой, но красивой, уже с младенцем. И все будут поздравлять, и она устроит праздник, и подруги надарят красивую одежду *и плевать на этого Марка*

Рука дернулась. Несколько капель супа расплзлись по клеенке нежирными кляксами. В тарелке еще оставалось много, все, что было положено, и оставалось. Она не съела ни ложки. «Первый день?» — донеслось до Саши. Она помедлила, убедившись, что обращаются к ней и подтвердила, не поднимая головы:

— Почти.

А распевный голос продолжал:

— Ничего, скоро станет полегче.

Саша заторможенно повернулась к подсевшей справа соседке: ухоженная женщина лет тридцати, с кудрявыми волосами, маникюром, подведенными глазами, в аккуратном спортивном костюме *не в цветастом халате*

Рыжая красавица приветливо, сочувственно улыбнулась. Спросила серьезно:

— Сколько ребенку?

— Одиннадцать дней.

— Какой диагноз?

— Я не запомнила.

Рыжая кивнула.

— В первый раз всегда так.

Замолчали.

Соседка с аппетитом ела тушеные овощи из лотка.
надо есть, надо надо надо есть

Саша насильно проглотила несколько ложек остывающего, но вполне съедобного супа. Чуть не вырвало. Машинально она схватилась за компот и поразилась этой жидкой одинаковости блюд. Соленое и сладкое. И то и то разбавленное.

как ее жизнь

— Вот ты где. — Напротив Саши села худенькая симпатичная девушка с малышкой на руках.

— Катя, ну что? — переключилась рыжая и продолжила начатый ими когда-то разговор.

— Добилась. — Та махнула свободной рукой и достала из пакета большой творожок. — Наконец-то сдвинулось. По итогам комиссии назначили операцию. Экстренно ищут место.

— Может, третий операционный день на неделе поставят?

— Да, хирург, не запомнила, как его зовут, должен решить.

— Ну и хорошо, — улыбнулась рыжая, наблюдая, как малышка ест.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru